

Взаимодействие государства и международного бизнеса

М.В. Братерский
Профессор ГУ-ВШЭ

В середине 2000-х гг. более чем востребованными становятся компетенции отечественных компаний по политическому обеспечению выхода на зарубежные рынки. Многие вопросы международной торговли и инвестиций на наших глазах приобрели существенную политическую составляющую, это в полной мере относится не только к традиционным политизированным областям, таким как военно-техническое сотрудничество, но и к проектам в области энергетики, транспортной инфраструктуры, банковского и страхового дела, сельского хозяйства, окружающей среды, высоких технологий.

Вопросы экономического и политического обеспечения своего зарубежного бизнеса приобретают сегодня для российских компаний первостепенную роль, им остро необходимы подготовленные специалисты, которые смогут представить интересы своих компаний в зарубежных правительственных органах и общественных организациях, согласовать эти интересы, подготовить комплекс политических и административных решений в соответствующих странах, подготовить и положительно настроить в отношении своих компаний как местную политическую элиту, так и общественное мнение.

Существует и другие стороны того же вопроса. Российское государство активно взаимодействует со своими компаниями, работающими за рубежом, и с иностранными компаниями, открывающими свой бизнес в России. Российское государство все более твердо ставит задачи продвижения российских политических интересов за рубежом с помощью деятельности российских компаний. Эта политика особенно интенсивна в энергетическом, транспортном и оружейном секторе, строительстве объектов атомной энергетики за рубежом, размещении за рубежом российских суверенных финансовых фондов.

Еще более интересный и важный вопрос, требующий своего исследования, связан с выработкой российской политики в отношении зарубежных компаний, действующих в России, и в отношении прямых зарубежных инвестиций. С одной стороны, Россия, как и

любое другой государство, заинтересована в привлечении зарубежных инвестиций в интересах собственного экономического, технологического и общественного развития. С другой стороны, Россия обязана защищать свой суверенитет, в том числе и в экономико-политической сфере, и, следовательно, обязана следить за тем, чтобы стратегические отрасли российской экономике (банковская сфера, энергетика, оборонный комплекс, транспорт) оставались под контролем национального капитала и государства.

Следует признать, что попыток комплексного исследования вопросов взаимосвязи международного политики и международного бизнеса не только в отечественной, но и в мировой литературе пока не делалось. Отсутствие таких исследований объясняется прежде всего относительной новизной осознания реполитизации международного бизнеса, вызванного, соответственно, коренными изменениями в структуре международных отношений в последние 15 – 20 лет, а также относительной инерционностью мировой науки в международной политике и экономике. В 1990-х гг., когда формировалась современная система российского высшего образования, шло массированное перераспределение бывших советских активов в пользу победившего в «холодной войне» Запада, и вмешательства государств Запада в эти процессы практически не требовалось. Сегодня, в условиях усиления международной конкуренции за глобальные ресурсы и борьбы разных моделей капитализма, политика снова вернулась в мировую экономику.

Во-вторых, российский деловой мир до недавнего времени концентрировал свои усилия на проектах внутри страны, а перспективные зарубежные планы видел сквозь призму принципов свободного движения капиталов и независимости бизнеса от государства. Срыв нескольких крупных российских проектов за рубежом в последние годы заставляет как российские компании, так и государство пересматривать идеологию своей работы на зарубежных рынках и в зарубежных государствах, а это, в свою очередь, создает спрос на соответствующие исследования – прежде его просто не было.

В-третьих, существенным методологическим и организационным препятствием для разработки вопросов взаимосвязи международного бизнеса и политики стала разобщенность двух научных дисциплин, которые должны были бы этими вопросами заниматься: международных отношений и международного бизнеса. Эти дисциплины представлены разными академическими сообществами, не владеющими методологиями и инструментарием друг друга, разными научными журналами и конференциями, и

практически не контактируют между собой. Как нам представляется, настало время объединить усилия этих дисциплин в исследовании политических аспектов ведения международного бизнеса. К сожалению, сделать это достаточно непросто. Данная статья посвящена методологическим проблемам, которые необходимо преодолеть для синергии исследований в области международных отношений и международного бизнеса. Методологические проблемы исследований будут рассмотрены на примере изучения международных компаний (МК) – одного из важнейших, хотя и не единственного объекта исследований международных отношений и международного бизнеса.

На первый взгляд, у двух интересующих нас международных дисциплин – международных отношений и международного бизнеса – мало общего. Международные отношения занимаются вопросами баланса сил на планете, вопросами войны и мира, проблемами взаимоотношений между отдельными государствами и их союзами, то есть правилами и нормами, которыми руководствуются государства в своих внешних сношениях. Международный бизнес, напротив, занимается проблемами деятельности коммерческих игроков, проблемами развития МК и их поведением на рынках мира, то есть вопросами накопления и применения капитала, пространственной организацией производства и распределения, а также другими практическими вопросами, связанными с получением прибыли, логистикой, конкуренцией и т.д. С этой точки зрения, МО и МБ являются ничем не связанными друг с другом дисциплинами, а их объекты исследования (государства и МК) разительно не схожи. Вместе с тем, подобная постановка вопроса становится все менее конструктивной, так как мешает видеть взаимосвязь между государством, предпринимательскими структурами и рынками, а также изучать проблемы, находящиеся на стыке МО и МБ. К подобным вопросам можно отнести, в частности, следующую проблематику:

- изучение взаимосвязей политических и экономических процессов на уровне отдельных стран и международных политических и экономических интеграционных объединений;
- освоение методов анализа взаимодействия бизнеса и государства в зарубежных странах;
- изучение степени влияния бизнеса на внешнюю и внутреннюю политику зарубежных стран;
- знакомство с разными национальными трактовками ключевых политико-экономических проблем международных отношений в современном мире, в частности,

проблем энергетической безопасности, степени открытости национальных экономики и их отдельных, включая инфраструктурных, секторов (банковского, страхового, оборонного, транспортного);

- изучение роли международных компаний в мировой политике и степени их влияния на национальные правительства, участие МК в выработке национальных внешнеполитических приоритетов государств и государственных образований;

- освоение методов анализа политических и экономических рисков ведения бизнеса в конкретных странах и регионах;

- знакомство с процессом принятия политических решений по крупным экономическим вопросам (изучение практики вмешательства государства в экономику своих стран) в зарубежных странах, изучение способов влияния на принятие подобных решений (практика лоббирования);

- изучение способов формирования благоприятного имиджа своей корпорации и страны в глазах зарубежных правительств и общественного мнения;

- знакомство с деловыми культурами зарубежных стран, определение набора приемлемых инструментов (коммуникативного инструментария), способных обеспечить благоприятное отношение зарубежных партнеров к деловым инициативам зарубежных компаний (корпораций).

МК как объект исследования

МК¹ представляют собой одну из важнейших категорий международных игроков, генерирующих существенную часть мирового богатства, обеспечивающих все возрастающую долю производства и занятости в мире. По данным UNCTAD в 2006 г. в мире работало 78000 международных компаний с 780 000 филиалов по всему миру. 58 000 МК базировались в развитых странах, 18500 – в развивающихся, и 1650 – в странах с переходной экономикой.² В 2003 г., по тем же данным, они обеспечивали занятость около 80 млн. человек и обеспечивали объем продаж в 11 триллионов долларов США.³ Деятельность МК не только влияет на состояние национальных экономик, но и во многом определяет систему международных экономических связей. Создавая сложные сети финансирования, производства, распределения, транспортировки, МК обеспечили процесс глобализации, без них современная глобальная экономика была бы невозможной. Объем

¹ МК, международная компания, в данном контексте рассматривается лишь как компания, ведущая бизнес не менее чем в двух странах.

² UNCTAD Annual Report 2007.

³ UNCTAD Annual Report 2004.

экономических ресурсов, находящихся в распоряжении МК и их инвестиционная политика крайне важна для процветания большинства национальных экономик и обществ (благодаря росту занятости и укреплению социальной стабильности). По этим причинам большинство государств заинтересовано в привлечении МК к работе на своей территории, для чего правительства проводят комплексную политику. Такая политика включает проведение разнообразных международных инвестиционных форумов, разработку разного рода мер по снижению затрат МК при входе на национальный рынок, систему политических гарантий от экспроприации и национализации, а также многое другое.

У деятельности МК в зарубежных государствах есть и другая сторона. МК оказывают сильнейшее влияние на местные культуры, общественные структуры, культурные и политические предпочтения населения, часто напрямую влияют на политику принимающих государств. МК не только предоставляют принимающим государствам обширные возможности для развития, но и несут потенциальные угрозы культурной самобытности, политическому суверенитету и финансовой стабильности стран, где они ведут свои операции.

МК как объект исследования теории международных отношений

В теории международных отношений существуют несколько школ и подходов к изучению международной проблематики, но их всех объединяет несколько постулатов, стоящих в центре любой теории. Так, все школы мысли МО ставят в центр анализа государство, и признают за ним первостепенную роль в формировании системы международных отношений. Все другие международные игроки, в том числе и МК, относятся теоретиками к производной, подчиненной группе, черпающей свое влияние в своих государствах, а порой и просто выпадающей из анализа системы международных отношений.

Одной из наиболее старых из современных теорий МО является неофункциональная школа, популярная в 1950-х – 1970-х гг. Она заложила основу неолиберальной институциональной школы, которая имеет много приверженцев и сегодня. Согласно взглядам неофункционалистов, международные процессы являются функциональными связями между государствами. Функциональные требования развития промышленности, урбанизации и общественной модернизации, вместе с развитием многочисленных технических функциональных связей между странами, необходимыми

для развития судоходства, авиации, перемещения людей и капитала, создают плотную сеть взаимозависимости государств. Эта сеть становится все более частой под влиянием растущей зависимости стран от импортных источников энергии, продовольствия, технологии и проч. В результате этих процессов, как считают функционалисты, государства превращаются в аполитические механизмы стандартизации межстрановых процессов и обменов, распространяющие свое влияние на все больший круг вопросов и регулирующие их разного рода международными соглашениями и международными институтами. В некоторых случаях такая деятельность государств ведет к созданию наднациональных объединений, примером чего является Европейский Союз. Основатели этой школы (Э. Хаас,⁴ К. Дейч,⁵) фокусировали свое внимание на процессах, а не на игроках в МО. МК в данном контексте рассматривались как еще одна техническая функциональная связь, как аполитические вненациональные игроки, преследующие собственные экономические интересы, причем их действия приводят к образованию новых функциональных связей между государствами, требующих, в свою очередь, стандартизации и координации.

Школа неореализма (К. Волц,⁶ Р. Кеохане⁷) помещают государство в системе международных отношений в центр хаоса. Государство является высшей формой политической организации, его роль как гаранта безопасности формируется окружающим его хаосом в ходе попыток государства его структурировать. Неореализм признает тот факт, что в процессе развития межгосударственных отношений могут формироваться торговые и экономические союзы, оборонительные пакты и другие международные структуры и институты (ВТО, МВФ), и что в международном пространстве действуют не только государства, но и негосударственные игроки (МК, неправительственные организации). Вместе с тем, с точки зрения этой школы, общая анархия в международных отношениях и отсутствие авторитетного мирового порядка перевешивают скромные успехи в структурировании международных отношений, достигнутые договоренностями между государствами и деятельностью негосударственных игроков. Кроме того, за негосударственными игроками признается лишь ограниченная, вторичная роль, так как по сравнению с государствами они обладают весьма слабыми возможностями

⁴ Haas, E. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces*. Stanford, 1958.

⁵ K. W. Deutsch, S. A. Burrell, R. A. Kann, M. Lee, Jr., M. Lichterman, R. E. Lindgren, F. L. Loewenheim, and R. W. van Wagenen. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton, , 1957.

⁶ Waltz, K.N. *Theory of International Politics*. Mass., 1979

⁷ Keohane R. O., *Neorealism and its Critics*, N.Y. 1986

структурировать международный хаос. В результате, исследования МО, выполненные в рамках неореалистической школы, как правило, уделяют МК мало внимания.

Похожие выводы можно сделать и из изучения трудов представителей либеральной и неолиберальной школы исследования МО. Хотя эта школа признает наличие гораздо большего количества участников, чем неореалисты, она все же не рассматривает МК как полноценных участников системы МО. С точки зрения неолибералов, МК являются лишь посредниками, обеспечивающими согласование политических и экономических интересов различных государств. Данная школа мысли видит международные отношения гораздо более разнообразными и богатыми участниками, но все же считает деятельность МК производной от государственной политики и интересов национальных капитализмов различных стран. МК представляются теоретикам этой школы скорее национальными экономическими интересами, проецируемыми на международный уровень, причиной чего являются соображения снижения издержек за счет международного производства, закупок и продаж. Некоторые ученые признают за МК более существенную роль в МО – их деятельность в перспективе может привести к определенной трансформации системы МО за счет того, что влияние в системе МО постепенно начинает основываться не только на мощи традиционного государства и его военной силе, но и на переходе к экономике знаний, постиндустриальному способу производства, в результате чего существенную роль начинает играть «мягкая сила» международных игроков.⁸

Еще одна школа мысли, относящаяся к категории неолиберальных, - теория режимов. Представители данной школы очень активно работали в 1980-х – 1990-х гг. и сфокусировали свои разработки на анализе сложных взаимозависимостей в международных отношениях, а также на вопросах координации и управления этими взаимозависимостями, что и получило название «режим». Среди основных тем их исследований можно выделить определение типов режимов и их интенсивности, а также определение причин возникновения новых режимов. В плане исследования роли МК в МО, данная школа внесла существенный вклад в вопросы выявления взаимозависимостей между интересами государства, негосударственными игроками (в том числе МК), международными институтами и функциональными императивами, связанными с

⁸ Strange, S. *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in World Politics*. Cambridge, 2000.

международной торговлей и трансфером технологий. Наиболее видные представители этой школы – О. Янг,⁹ А. Катлер,¹⁰ Л. Мосли.¹¹

Существует еще ряд теорий, развившихся из положений, выдвинутых неолиберализмом, но пошедших дальше. Одной из основных современных теорий является концепция глобализации. С точки зрения ее представителей, глобализация является следствием не только экономических процессов, но и трансформаций общества, вызванных частично изменением чувствительности социумов к политическим и культурным переменам, а частично – такими глобальными стимулами как мультикультурность, заграничные поездки, международные СМИ, Интернет, миграция и возросший объем международных контактов на всех уровнях. Основной акцент теории глобализации делают на изменения в области культуры – «гомогенизацию», по определению Р. Холтона.¹² Вместе с тем, одно из центральных мест в рассматриваемой концепции занимают МК, которые напрямую влияют на изменения, происходящие в мире, благодаря своей растущей роли в глобальном производстве.¹³ В этом вопросе представители школы глобализации отходят от традиционных неолиберальных подходов и признают за МК ведущую роль как агентов глобализации. Для многих представителей этой школы МК ассоциируются с новым постиндустриальным способом производства, консюмеризмом, коммерциализацией эстетики, фетишизмом бренда. Более позитивный взгляд на роль МК рисует картину того, как МК меняют политическое и экономическое устройство планеты, заменяя Вестфальскую систему национальных государств высшими формами взаимозависимости, в результате чего возникают новые интегрированные политические и экономические единицы. Представлена и негативная оценка роли МК в процессах глобализации, которая представляет роль МК как деструктивную, эксплуататорскую, разрушающую местные сообщества и несущую конец разнообразию в мировом политическом устройстве. Объединяет эти варианты теории глобализации то, что МК в обоих случаях рассматриваются как транснациональные игроки, оторвавшиеся от своих национальных корней и национальных интересов своих стран, которые преследуют свои цели и действуют в интересах элит, которые уже не являются национальными.¹⁴ Из этих же положений родилась и идеология антиглобализма.

⁹ Young, O.R., *Creating Regimes: Arctic Accords and International Governance*. Ithaca, 1998.

¹⁰ Cutler, A.C., *Private Power and Global Authority: Transnational Merchant Law in the Global Political Economy*. Cambridge, 2003.

¹¹ Mosley L., *Global Capital and National Governments*. Cambridge, 2003.

¹² Holton, R. *Globalisation and the Nation-State*. N.Y., 1998

¹³ См. Woods, N. (ed.) *The Political Economy of Globalisation*. N.Y., 2000., Scholte, J. A. *Globalisation: A Critical Introduction*. Houndmills, 2000.

¹⁴ Palan R., *The Offshore World: Sovereign Markets, Virtual Palaces and Nomad Millionaires*. Ithaca, 2003.

Опасность МК, по мнению идеологов антиглобализма, состоит в их экстратерриториальности, что выводит их из-под контроля национальных правительств и «демократической общественности». Антиглобализм нередко сливается с неомарксистскими концепциями, видя в МК всемогущих игроков международных отношений, вытесняющих традиционную международную политику в стиле реализма благодаря своей экономической, а, следовательно, и политической мощи.

Наиболее заметны две теории МО неомарксистского толка – теория зависимости и теория мировой системы. А. Франк, например, видел суть отношений между мировым центром капитализма и его периферией в отношениях эксплуатации и выкачивании богатства из стран периферии, что и осуществляют МК.¹⁵ МК характеризовались как агенты классовых интересов, высасывающие ресурсы из развивающегося мира в пользу развитого и способствующие усилению неразвитости отсталых с экономическом плане государств.¹⁶ Аргументы, выдвинутые представителями данной школы, легли в основу идеологии политики импортозамещения, принятой в свое время многими странами, и во многом способствовали росту конфронтационности в отношениях между государствами и МК. Этими же аргументами многие правительства оправдывали свои шаги по ущемлению интересов МК в своих странах и по экспроприации их собственности.

Из этой ситуации родилось еще одно направление исследований, связанных с МК в международных отношениях – исследования политических рисков, которые возникают за рубежом для МК со стороны местных правительств и социумов (С. Краснер,¹⁷ Т. Моран,¹⁸ Д. Джарвис¹⁹). Особое внимание в исследованиях уделялось вопросам взаимоотношений МК и государства, исследованию характеристик политических режимов, которые могут представлять угрозу для МК, а также выработке стратегий минимализации политических рисков компаний. Особую значимость такого рода исследования приобрели для компаний – прямых инвесторов. Отмеченные подходы также дали толчок целой серии исследований, посвященных относительной силе МК т государств, а также вопросу о закате национального государства и национального

¹⁵ Frank, A.G., *Dependent Accumulation and Underdevelopment*. London, 1978

¹⁶ Wallerstein, I. *The Modern World System*. N.Y., 1974

¹⁷ Krasner, S.D. *Defending the National Interest: Raw Materials Strategy and US Foreign Policy*. Princeton, 1978.

¹⁸ Moran, T. (ed.) *Managing International Political Risk*. Oxford, 2001.

¹⁹ Jarvis, D.S.L., *International Business Risk: A Handbook for the Asia-Pacific Region*. Cambridge, 2002.

суверенитета под давлением растущей мощи многонациональных компаний (Х. Шварц,²⁰ Л. Вейс²¹).

Представленный обзор литературы и концепций международных отношений, анализирующих роль и место МК в МО помогает видеть общую картину в исследованиях интересующей нас проблематики. К сожалению, эта картина весьма фрагментарна и не полна, и она не дает ответов на многие вопросы о взаимодействии самых мощных игроков на международной арене – государств и МК. Остаются невыявленными многие механизмы взаимодействия и причинно-следственные связи в выработке государственной политики в отношении МК. Недостаточно исследованы теорией МО остаются и механизмы влияния МК на государства. Несмотря на десятилетия исследований, теория МО пока не создала концепций, полно и ясно освещающих методы и механизмы, с помощью которых МК формируют и изменяют систему международных отношений.

МК как объект исследования теории международного бизнеса

Если теория международных отношений уделяла мало внимания исследованию МК и концентрировала свои усилия в основном на государствах как опорных точках системы международных отношений, то теория международного бизнеса страдала от противоположной слабости. Теория МБ фокусировала все свое внимание на собственно МК и лишь в редких случаях пыталась поставить МК в контекст международной политической среды, в которой те работают. Эта слабость теории МБ частично связана с относительной молодостью этой научной дисциплины, а частично – с усилиями по «огораживанию» своей научной дисциплины, что нередко выливалось в нежелание теоретиков МБ задействовать научный и концептуальный аппарат смежных наук.

В отличие от теории МО, характерной наличием множества концепций международных отношений, теорию МБ в разрезе анализа роли МК как участника международного политического процесса удобнее рассматривать на нескольких этапах ее развития.

Первый этап развития теории международного бизнеса, этап ее основания, относится к 1950-м – 1960-м гг., когда были сделаны первые попытки определения

²⁰ Schwatz, H. States Versus Markets: The Emergence of a Global Economy. London, 2000.

²¹ Weiss, L. States in the Global Economy: Bringing Domestic Institutions Back In. Cambridge, 2003.

объекта исследования МБ и понять параметры новой дисциплины. У истоков новой дисциплины встали несколько ученых, пришедших из традиционных сфер изучения бизнеса (исследования организации бизнеса, теория торговли, политическая экономия), которых интересовало международное предпринимательство. Этот период характерен попытками определить базовые понятия новой дисциплины и применимые методы анализа. Начальный период развития МБ был также отмечен дискуссией (продолжающейся и сегодня) о том, необходимо ли создавать новую дисциплину для исследования международного бизнеса, или довольно будет и тех инструментов, которые применяются для национальных бизнес-исследований. Многие специалисты считали, что международный и национальный бизнес весьма похожи, и что организационные структуры, производство, маркетинг и распределение в международном бизнесе осуществляются примерно таким же образом, как и на национальном рынке. Вопросы культурной специфики выбора потребителя, особенности найма и работы с персоналом в зарубежных странах, проблемы межкультурных коммуникаций и организационных структур, обусловленных местными особенностями, как правило, отмечались. Международный бизнес считался процессом, не зависящим от местных культур, организация бизнеса и выработка деловой стратегии рассматривалась как задачи, решаемые научно обоснованной деловой практикой. Развитие МК и международных рынков рассматривалось как распространение американской и западноевропейской деловой модели, в ходе чего западные компании «колонизировали» остальной мир. Мир рассматривался как отношения между центром и периферией, где бизнес-процессы, зародившиеся в центре, копировались и распространялись на периферии мировой капиталистической системы.

Вторая фаза развития теории МБ была посвящена кодификации параметров новой дисциплины и подбору аналитических инструментов, которые могли бы обеспечить разработку проблематики МБ и МК. На этом этапе теория МБ отошла от традиционных бизнес-дисциплин, а также сменила свой фокус: от исследования проблематики, связанной в основном с Соединенными Штатами исследователи перешли к разработке международной проблематики. На первый план вышли вопросы прямых зарубежных инвестиций, их параметров, мотивации, факторов, определяющих их объем и место.²² Другими словами, вместо исследований внутренней организации международных компаний ученые занялись разработкой вопросов природы иностранных инвестиций, а

²² Dunning J. H., *The Globalisation of Business: The Challenge of the 1990s*. London, 1993.

также вопросами развития международных рынков и их влияния на деловую практику в странах происхождения капитала.

В 1990-х гг. началась новая фаза развития теории МБ, которая продолжается и по сей день. Ее основной особенностью является отказ от внекультурной логики первого этапа развития теории МБ. Основной акцент сегодня делается на исследованиях влияние местных культур на ведение бизнеса, изучаются культурные особенности маркетинга, систем распределения и процессов управления в зарубежных странах. Вторая особенность нынешней фазы исследований состоит во все увеличивающемся интересе ученых к процессам в международном бизнесе, вызванным глобализацией. При соприкосновении национальных культур разных стран и регионов с процессами экономической глобализации рождается множество новых форм потребления и покупательских предпочтений, новые деловые сообщества, новые организационные стратегии. Эта гамма вопросов также оказалась в центре внимания теории международного бизнеса.

Остаются ли связанные с глобализацией процессы центральной темой теории МБ сегодня? Очевидно, да, и на это существует несколько веских причин.

Во-первых, изначальная природа национальных рынков все более меняется в результате воздействия финансовой глобализации и либерализации. Наряду со стремительным ростом индустрии услуг, быстро сокращается цикл приложения капитала – благодаря возможности мгновенно перебрасывать капитал через сети современных коммуникаций ему требуется меньше времени, чтобы выполнить поставленную задачу. В эпоху индустриального капитализма подобный цикл занимал годы: требовалось много времени для того, чтобы начать проект, собрать под него финансирование, запустить производство, продать полученный продукт и распределить прибыль среди акционеров. Сегодня, в условиях глобализации, капитал оборачивается гораздо быстрее благодаря использованию бесчисленных финансовых инструментов и их производных. Последствиями такой финансовой глобализации стало смещение центра генерирования прибыли из производственного сектора в финансовый, а также в экономику знаний. Такие изменения в глобальной финансовой организации существенно повлияли на возможности государства в регулировании экономики. Интенсивная глобализация оторвала капитал и кредит от его традиционной базы – банковского сектора, который эффективно контролировался государством. Возможности государства влиять на переток и приложения финансов уменьшились, так как большая часть операций международных

финансовых конгломератов сегодня идет по каналам, которые не контролируются национальными правительствами.

Во-вторых, национальные регуляторы финансового рынка не справляются со своими задачами из-за того, что объем и сложность международных финансовых транзакций растет по экспоненте. Образовались нерегулируемые никем международные финансовые системы, которые генерируют собственные риски и легко переносят риски из одной национальной финансовой системы в другую. Примером такого деструктивного переноса рисков стал азиатский финансовый кризис 1997 г., и вскоре последовавшие за ним финансовые кризисы в России, Аргентине и Бразилии. Глобализированные финансовые системы сегодня могут угрожать уже не отдельным банкам и компаниям, но целым странам и регионам. Теория МБ подробно описала возникающие сегодня типы глобальных финансовых рисков но, к сожалению, пока не смогла выработать политические рекомендации по предотвращению подобных рисков.²³

В-третьих, усложнившийся характер взаимоотношений между государствами и МК, работающими в глобальном масштабе, требует гораздо более внимательного исследования их взаимного влияния, проблем взаимной адаптации, вопросов прозрачности в отношениях между государством и рынком, основ функционирования мировой экономики. Сегодня теории МБ уже недостаточно сослаться на глобальное ослабление национальных государств и наступление новой эпохи «дикого» капитализма. Не все национальные государства ослабевают в одинаковой степени, да и современный капитализм все же регулируется взаимодействием международных институтов, рынков, государств, участников рынка и неких норм, которые не всегда известны и понятны. В мировой экономической истории последнего десятилетия можно найти множество примеров того, как внешняя политика некоторых влиятельных государств в увязке с либеральными рыночными принципами определяла действия и рекомендации международных институтов (МВФ, Всемирный Банк, ОЭСР) и международных политических форумов (G8, АСЕАН, НАФТА), а те, в свою очередь, оказывали существенное влияние на изменения условий для зарубежных инвестиций и появление точек роста на международных рынках. Иногда эти изменения несли странам - реципиентам рекомендаций благо, иногда – проблемы (Россия, Таиланд, Аргентина). Проблема состоит в том, что взаимодействия государств и рынков, государств и МК

²³ См. Felker, G.B., Southeast Asia Industrialisation and the Changing Global Production System. Third World Quarterly, Vol. 24, No.2, pp. 255 – 282.

принимают разные невиданные ранее формы, и многие существующие модели взаимодействия субъектов мировой экономики пока остаются вне поля зрения и анализа теории международного бизнеса.²⁴

Наконец, в последние несколько лет взаимоотношения национальных государств и МК – собственных и зарубежных, приобрели новое качество. Государства и межгосударственные объединения стали проводить невиданную прежде линию на политический протекционизм, закрывая целые сектора своей экономики от влияния зарубежных МК, которые стали рассматриваться как агенты влияния зарубежных государств. Примеры такой политики можно найти в США (отказ от продажи американских портов арабским инвесторам и ограничения на размещение китайских и арабских суверенных фондов в США), в Европейском Союзе (ограничения для российских компаний на инвестиции в газораспределение, авиационный транспорт), в России (новый закон "О порядке осуществления иностранных инвестиций в коммерческие организации, имеющие стратегическое значение для национальной безопасности РФ").

Иностранные инвестиции и МК стали подразделяться на «свои» и «чужие», политически нейтральные и политически ангажированные. Международная политика стала все энергичнее вторгаться в сферу международного бизнеса, отражая обостряющееся соревнование между разными моделями капитализма и новый рыночный инструментарий, который сегодня используется, в частности, КНР, Россией, Индией, арабскими государствами в международной политической борьбе. Все больше частных заграничных инвестиционных программ в последние годы основываются не на экономических соображениях, а на получении национальными государствами с их помощью доступа к уникальным ресурсам зарубежных стран, контроле над стратегически важными для внутренней экономики других государств отраслями, императивах национальной безопасности.

Сегодня появилось широкое поле вопросов, требующих своего исследования, для чего необходимо объединить усилия как специалистов-международников, так и экспертов по международному бизнесу. Необходим некий синтез этих дисциплин, для чего и МО, и МБ придется пойти на расширение своего объекта исследований и отказаться от некоторых ставших привычным догм. Международному бизнесу как дисциплине необходимо признать, что и рынки, и международные компании существуют не в

²⁴ Hall, P. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford, 2001.

вакууме, а в сложной политической и социальной среде, и что вопросы политического влияния государственных и негосударственных игроков, проблемы учета общественных и политических ценностей в деятельности бизнеса, особенности политических процессов в разных странах являются весьма важными для изучения деятельности международных компаний. Определенный задел в этом направлении у МБ существует: в рамках этой дисциплины уже разрабатывались некоторые вопросы оценки политических рисков и проблемы взаимодействия национальных политических институтов и рынков.²⁵

Международным отношениям как дисциплине также следует покинуть свою башню из слоновой кости и сделать шаг вперед. В определенном смысле, для МО сделать такой шаг несколько легче, чем для МБ, так как в рамках МО уже некоторое время успешно развивается направление Международная политическая экономия. В круг ее интересов входят многие из актуальных ныне вопросов взаимосвязи национальных политических решений с развитием международных рынков и трансграничных обменов. Вместе с тем, МО придется согласиться с тем, что МК и вопросы взаимодействия МК с национальными государствами должны занять в проблематике МО более солидное место, чем раньше.

В результате совместных усилий двух дисциплин, как хочется надеяться, возникнет новая междисциплинарная область исследования, названия которой пока не существует. Она должна расширить поле исследований международной политической экономии на микроуровень и изучать формы, методы и механизмы взаимодействия государств и международных компаний. Такое расширение поля исследований позволит находить ответы на вопросы, все более интересующие сегодня и государства, и международные компании. Обновленная исследовательская повестка дня, в частности, могла бы включать следующую группу вопросов:

1. Политическая деятельность международных компаний, их взаимодействия с государством базирования и принимающим государством.
2. Слабые и сильные государства во взаимодействии с международным бизнесом.
3. Использование деятельности национальных компаний для продвижения внешнеполитических интересов государства.
4. Политический протекционизм.

²⁵ Henisz, W.J., Zelner, B.A. Legitimacy, Interest Group Pressures and Institutional Change: The Case of Foreign Investors and Host Country Governments. Working Paper, Wharton, 2002.

5. Политический бизнес-цикл, его влияние на иностранных инвесторов.
6. Политические и экономические санкции. Их эффективность и влияние на объект санкций и на субъект санкций. Пути выхода из санкций.
7. Взаимосвязь между началом и ходом военных действий (или угрозой применения силы) и мировыми экономическими и бизнес-процессами.
8. Валютные, внешнеторговые и внешнеэкономические инструменты внешней политики.
9. Влияние внутривнутриполитических событий на международные рынки.
10. Политические и страновые риски: оценка, защита и использование.